

головой на запад с небольшим отклонением к северу. Поперек тазовых костей лежал довольно длинный железный меч с рукоятью, обложенной тонким золотым листом со штампованными изображениями (рис. 7, 13, 14; 8). Вокруг скелета и на нем было найдено свыше 50 тонких штампованных зооморфных золотых бляшек неправильно-овальной формы с изображением лошади или кулана (они, видимо, украшали погребальный полог) (см. рис. 7, 10; 9; 10). Неподалеку от меча, справа, обнаружена распавшаяся на части спиральная оплетка нагайки из толстой золотой фольги (см. рис. 7, 3, 4; 11) и несколько ажурно вырезанных золотых оковок с миниатюрными золотыми гвоздиками, принадлежавших обкладкам исчезнувшего деревянного сосуда (см. рис. 7, 18) и украшению несохранившихся ножен меча (см. рис. 7, 16, 17). Слева от позвоночника погребенного, у тазовой кости, находилась массивная овальная раковина речного моллюска. Вплотную к западной стенке бревенчатой камеры лежало несколько железных наконечников дротиков, копий и втоков общескифского типа (см. рис. 7, 11, 12, 15). Кроме того, обнаружены колчан с 95 железными трехлопастными втульчатыми (см. рис. 7, 6 - 9) и двумя плоскими черешковыми (см. рис. 7, 5) наконечниками стрел, железные кольчатые удила со стержневидными железными псалиями (см. рис. 7, 1), железные конские налобники (см. рис. 7, 2), стеклянные "глазчатые" бусины и бисер из пасты. Присутствовали и обычные в таких случаях остатки заупокойной пищи: кости лошади с двумя железными ножами.

Среди находок из этого кургана наибольший интерес представляет, безусловно, меч. По орнаментации (штампованные фигуры по золотому листу), общей форме рукоятки (овальное, клиновидное в сечении навершие и сильно стилизованное бабочковидное, почти уже треугольное, перекрестье, "манжета", закрывающая верхнюю часть лезвия) и технике изготовления лезвия он аналогичен мечу и кинжалу из Чертомлыка [Ростовцев, 1914, табл. V, 4, 6]. И там и здесь на навершии меча изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (олень? лань?), на треугольном перекрестье отчетливо видны крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг перед другом в геральдической позе, вдоль рукояти с обеих сторон помещена фигура оленя со странно трактованными устремленными вперед ветвистыми рогами и, наконец, лезвие изготовлено из двух параллельных полос

с зазором в верхней части. Совпадение всех деталей оформления рукоятей и одинаковая техника изготовления лезвия мечей из Чертомлыка и кургана № 7 у с. Колбина позволяют говорить о полной их идентичности. Не исключено, что они были выкованы одним и тем же кузнецом и украшены одним и тем же мастером.

Очень близки к ним, хотя и различаются в трактовке деталей оформления, рукояти мечей с золотой обкладкой из кургана Мирзы Кекуватского (там другая форма перекрестья и на нем вместо грифонов помещена фигура бегущего зверя) [Ростовцев, 1914, табл. V, 3] и из кургана № 3 группы "Частых курганов" близ г. Воронежа (на его навершии две бегущие лани, а на рукояти процессия идущих друг за другом сильно стилизованных зверей; перекрестье же украшено теми же орлиноголовыми грифонами в геральдической позе) [Либеров, 1965, с. 73, табл. 17, 2].

Здесь следует особо подчеркнуть, что все приведенные выше аналоги колбинского меча относятся к наиболее богатым вещевым комплексам из курганов высшей скифской знати (Чертомлык, несомненно, "царский" курган, приписываемый рядом исследователей царю Атею). Это заметно облегчает для нас решение вопросов хронологии. Согласно последним исследованиям, центральное погребение Чертомлыка (с мечом) можно отнести к середине третьей четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 151 - 152]. А если это действительно могила Атея, то дата его смерти хорошо известна из античных письменных источников - 339 г. до н. э., т.е. та же третья четверть IV в. до н. э. [Болтрик, Фіалко, 1995, с. 3 - 13].

Список литературы

Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII - IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). - СПб.: Б.и., 1992. - 206 с.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Е. Могили скифських царів другої половини IV ст. до н. е. (пошук історичних реалій) // Археологія. - 1995. - № 2. - С. 3 - 31.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на среднем Дону. - М.: Наука, 1965. - 112 с. - (САИ; Вып. Д1-31).

Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России. - СПб., 1914. - Вып. 34. - С. 78 - 93.

Матеріал поступил в редколлегию 01.04.99 г.

УДК 903.27(571.15)

Н.В. Полосьмак

Институт археологии и этнографии СО РАН,
 пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
 E-mail: bronz@us.nsc.ru

ПАЗЫРЫКСКИЕ ВОЙЛОКИ: УКОКСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Введение

До 1990 г. войлочные пазырыкские изделия были известны только по находкам из “царских” курганов, исследованных С.И. Руденко [1953, 1960, 1968] и М.П. Грязновым [1950]. Новая коллекция пазырыкских войлоков была собрана в 1990 - 1995 гг. в “замерзших” могилах Укока.

Коллекция включает куски неорнаментированного темного войлока, который служил покрытием пола в погребальных камерах (рис. 1), подстилкой на дне колоды или ложе, подушкой и потником, а также одежду (чулки и головные уборы), сумочку для зеркала, покрытия седел с фигурными подвесками, подставки под сосуды*.

В погребальную камеру пазырыкцы помещали, как правило, вещи, служившие своему хозяину много лет и составлявшие его привычное окружение. По обнаруженным в могиле предметам можно судить об убранстве пазырыкского жилища. Так, войлок, который покрывал весь пол погребальной камеры, кроме места, на котором стояла колода, в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, ранее мог использоваться как полог (занавес) в доме. Возможно, как и сейчас в юртах, его за большие войлочные петли, имеющиеся на одном крае, подвешивали к потолку, чтобы отгородить кровать. У южных алтайцев такой занавес (*кӧжӧ*), сделанный специально ко дню свадьбы, становился оберегом семьи. Его не меняли из опасения, что из дома уйдет счастье. В случае смерти одного из супругов *кӧжӧ* делили на две части и использовали в качестве подстилки при погребении [Ситникова, 1986, с. 89].

* Войлочные изделия из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1, исследованного в 1990 г., были опубликованы ранее [Полосьмак, 1994], поэтому в настоящей статье речь пойдет о наиболее ярких находках 1993 - 1995 гг.

Характеристика укокских войлочных изделий

В кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 сохранились войлочные покрытия трех седел, украшенные аппликацией. За время пребывания в могиле они сильно поблекли, а местами даже обесцветились. Тем не менее и сегодня видно, что все войлочные изделия расцвечены красками, в основном белой, черной, красной, желтой, синей (зеленой).

Покрывало седла второго коня было ярко-красным. На нем нашиты четыре вырезанные из войлока фигурки фантастических “крылатых” хищников - львиных грифонов, похожих на веселых собак, с рогами, ушами, кисточкой на хвосте (рис. 2; 3, 1). Они то ли летят, то ли растянулись в прыжке. Туловища животных ярко-зеленые, крылья, кисточки на хвосте и морды желтые. Все фигуры по краю обшиты тонким, скрученным из шерстяных ниток шнурком, желтым на туловище и крыле, коричневым на голове и кончике хвоста. Глаза вышиты коричневыми нитками. Эта аппликация - воспроизведение забытого образа, запечатленного, например, в сцене терзания на одной из войлочных седельных покрывал из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. СХ, 1].

На другом войлочном покрытии седла желто-коричневого цвета в технике аппликации изображены два львиных грифона (см. рис. 3, 2; 4). Туловища, рога и гривы у них красные, морды белые, уши и кисточки на хвосте желтые. На крыльях показаны чередующиеся красные и желтые перья. По контуру туловища обшиты желтым шнуром, часть перьев - коричневым. Морды и глаза подчеркнуты красным шнуром. На крупах вырезаны знаки “точка в скобках”, они желтого цвета. Животные похожи на львиного грифона, представленного на конском головном уборе из Первого Пазырыкского кургана [Там же, с. 220, рис. 134]. Край этого покрытия седла был фестончатым: с каждой

Рис. 1. Расчистка войлока, лежавшего на дне погребальной камеры.

Рис. 2. Войлочное покрытие седла второго коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

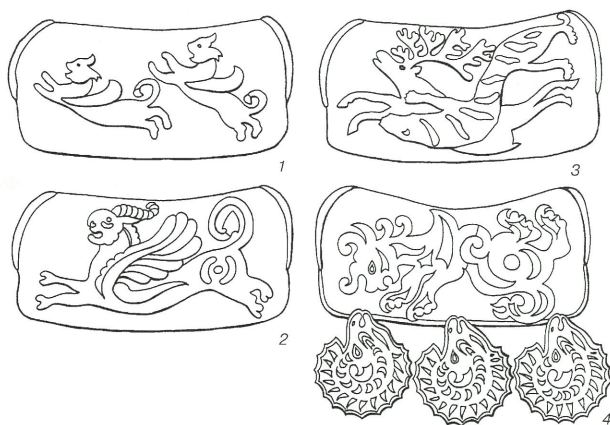

Рис. 3. Прорисовка войлочных аппликаций на покрытиях седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (1 - 3) и кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 (4).

Рис. 4. Войлочное покрытие седла третьего коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

Рис. 5. Детали войлочного покрытия седла одного из коней в кургане 1 могильника Ак-Алаха-5.

Рис. 6. Войлочная подвеска в виде головы барана с покрытия седла коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5.

стороны пришито по четыре треугольных фестона. Одна сторона у них гладкая, другая - ступенчатая. Так же оформлены запечатленное на войлочном ковре покрытие седла всадника, вытканые на ворсовом ковре ковровые чепраки на лошадях и войлочный чепрак из Пятого Пазырыцкого кургана [Там же, табл. СІ; Руденко, 1968, с. 47, 60]; чепрак на коне, выгравированном на костяной пластине, из кургана Куль-Оба [Руденко, 1960, с. 224, рис. 121]; чепраки на конях персов в мозаичной композиции "Битва Александра с Дарием при Иссах" (копия картины конца IV в. до н. э., Помпеи) [Всемирная история, 1956, т. 2, с. 216] и др. Украшение краев чепраков и покрытий седел зубчатыми фестонами было характерно для иранского мира.

На последнем из сохранившихся в кургане покрытий седел нашиты две аппликации, изображающие сцену терзания оленя тигром (см. рис. 3, 3). Цвета практически не сохранились, но хорошо видны фигуры сцепившихся животных. В одном случае фигура оленя по контуру обшита желтым шнурком, а тигра - красным; в другом - наоборот, и тигр, и олень изображены с вывернутым туловищем. Глаза у них показаны вышивкой. Аналог этого изображения имеется на покрытии седла из Первого Пазырыцкого кургана. Только там вся композиция вырезана из кожи. Фигура тигра - из кожи желтого цвета с прорисовкой деталей коричневой краской [Руденко, 1953, с. 274, рис. 158]. На ак-алахинской находке на войлочном туловище животного нашиты детали, обшитые по контуру желтым шнурком, который подчеркивает характерные для тигра полосы. Можно предположить, что при создании в виде войлочных аппликаций канонических сцен с участием животных пазырыкцы пользовались кожными трафаретами. Аппликации же в виде львиных грифонов на покрытиях седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 выглядят как копии, сделанные по памяти, когда уже утеряна четкость изображения оригинала.

Покрытие седла, обнаруженное на коне в женском погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха-5, по краю обшито тесьмой из шерстяной трехцветной ткани с орнаментом (рис. 5). На основу из желтого (коричневого в настоящее время) войлока частыми стежками через край пришиты две большие, вырезанные из тонкого войлока фигурки фантастических хищников. Зверь зафиксирован с перекрученным туловищем. На одном изображении его голова и передняя часть туловища выкроены из красного, а задняя часть - из желтого войлока. На втором изображении у животного светлая передняя и красная задняя части туловища. Фантастический зверь увенчан закрученными внутрь рогами с шариками на концах. У него острое ухо, два завитка на загривке, небольшое острое крыло, оскаленная пасть, задранный нос и миндалевидный глаз, лапы на мягких подушечках с одним боль-

шим острым когтем, небольшой закрученный на спину хвост оканчивается стилизованной головкой грифона. На крупе вырезан традиционный знак - "точка в скобках". Особый колорит изображению этого зверя придают рога, показанные анфас. Прием изображения рогов анфас, а самого животного в профиль особенно характерен для искусства Египта. Он известен также по росписям на мидийских сосудах (Тепе-Сиялка) начала I тыс. до н. э. [Всемирная история, 1956, т. 1, с. 592], а также на кафелях в Сузах (VI в. до н. э.), где сохранилось изображение львиного грифона с рогами барана анфас [Руденко, 1968, с. 80, рис. 69]. Возможно, такая манера передачи рогов была заимствована пазырыкцами из переднеазиатского искусства*. Изображенный на рассматриваемом покрытии седла зверь соответствует образу волка в пазырыкском искусстве - достаточно взглянуть на его вздернутый нос, оскаленную пасть, острое ухо, выделенный завитками загривок и короткий хвост (см. рис. 3, 4). Дополнением к нарядному покрытию седла служат шесть войлочных изображений головок баранов, пришитых по три с каждой стороны. Ажурную головку барана вырезали из тонкого красного войлока и затем пришили к желтой войлочной основе, сшитой из многих кусочков (см. рис. 3, 4; 6). Войлочное изображение головы барана имеет прямые аналоги среди находок из Первого Пазырыцкого кургана [Руденко, 1953, табл. CVII, 3; CXII].

Особенности анализируемых войлоков

Укокские войлоки в отличие от обнаруженных ранее в больших курганах (Пазырыкских, Втором Башадарском, Тузуктинских) делали с использованием верблюжьей шерсти. По этнографическим материалам известно, что сырьем для изготовления войлоков была в основном шерсть овец. "Шерсть верблюдов, коз, сарлыков, конский волос, - пишет Н.Л. Жуковская о традиционных занятиях монголов, - для этой цели не годятся, т.к. не содержат клейкого слизистого фермента, позволяющего сбить ее в плотную массу" [1989, с. 254]. Алтайцы при производстве войлоков использовали козью и верблюжью шерсть. Верблюжьей шерсти приписывали особые магические свойства. Например, согласно поверьям узбеков Хорезма, шерсть верблюда отгоняла злых духов [Соколова, 1972, с. 180]. Надо полагать, верблюды входили в состав стада южных пазырыкцев. Это подтверждают петроглифы Укока скифского времени, среди которых встречаются изображения двугорбых верблюдов с наездником и без него [Черемисин, Слюсаренко, 1994,

* Такой же прием изображения рогов животных известен на петроглифах бронзового века - на плите, обнаруженной у пос. Озерное (см. [Молодин, Погожева, 1990, с. 167 - 177]).

Рис. 1. Расчистка войлока, лежавшего на дне погребальной камеры.

Рис. 2. Войлочное покрытие седла второго коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

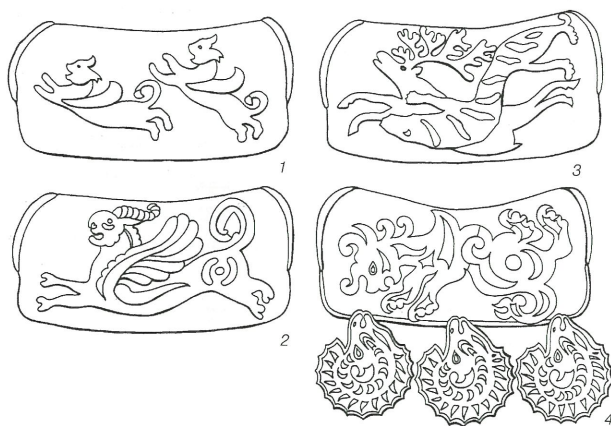

Рис. 3. Прорисовка войлочных аппликаций на покрытиях седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (1 - 3) и кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 (4).

Рис. 4. Войлочное покрытие седла третьего коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

Рис. 5. Детали войлочного покрытия седла одного из коней в кургане 1 могильника Ак-Алаха-5.

Рис. 6. Войлочная подвеска в виде головы барана с покрытия седла коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5.

стороны пришито по четыре треугольных фестона. Одна сторона у них гладкая, другая - ступенчатая. Так же оформлены запечатленное на войлочном ковре покрытие седла всадника, вытканые на ворсовом ковре ковровые чепраки на лошадях и войлочный чепрак из Пятого Пазырыкского кургана [Там же, табл. CI; Руденко, 1968, с. 47, 60]; чепрак на коне, выгравированном на костяной пластине, из кургана Куль-Оба [Руденко, 1960, с. 224, рис. 121]; чепраки на конях персов в мозаичной композиции "Битва Александра с Дарием при Иссах" (копия картины конца IV в. до н. э., Помпеи) [Всемирная история, 1956, т. 2, с. 216] и др. Украшение краев чепраков и покрытий седел зубчатыми фестонами было характерно для иранского мира.

На последнем из сохранившихся в кургане покрытий седел нашиты две аппликации, изображающие сцену терзания оленя тигром (см. рис. 3, 3). Цвета практически не сохранились, но хорошо видны фигуры сцепившихся животных. В одном случае фигура оленя по контуру обшита желтым шнурком, а тигра - красным; в другом - наоборот, и тигр, и олень изображены с вывернутым туловищем. Глаза у них показаны вышивкой. Аналог этого изображения имеется на покрытии седла из Первого Пазырыкского кургана. Только там вся композиция вырезана из кожи. Фигура тигра - из кожи желтого цвета с прорисовкой деталей коричневой краской [Руденко, 1953, с. 274, рис. 158]. На ак-алахинской находке на войлочном туловище животного нашиты детали, обшитые по контуру желтым шнурком, который подчеркивает характерные для тигра полосы. Можно предположить, что при создании в виде войлочных аппликаций канонических сцен с участием животных пазырыкцы пользовались кожными трафаретами. Аппликации же в виде львиных грифонов на покрытиях седел из кургана I могильника Ак-Алаха-3 выглядят как копии, сделанные по памяти, когда уже утеряна четкость изображения оригинала.

Покрытие седла, обнаруженное на коне в женском погребении кургана I могильника Ак-Алаха-5, по краю обшито тесьмой из шерстяной трехцветной ткани с орнаментом (рис. 5). На основу из желтого (коричневого в настоящее время) войлока частыми стежками через край пришиты две большие, вырезанные из тонкого войлока фигурки фантастических хищников. Зверь зафиксирован с перекрученным туловищем. На одном изображении его голова и передняя часть туловища выкроены из красного, а задняя часть - из желтого войлока. На втором изображении у животного светлая передняя и красная задняя части туловища. Фантастический зверь увенчан закрученными внутрь рогами с шариками на концах. У него острое ухо, два завитка на загривке, небольшое острое крыло, оскаленная пасть, задранный нос и миндалевидный глаз, лапы на мягких подушечках с одним боль-

шим острым когтем, небольшой закрученный на спину хвост оканчивается стилизованной головкой грифона. На крупе вырезан традиционный знак - "точка в скобках". Особый колорит изображению этого зверя придают рога, показанные анфас. Прием изображения рогов анфас, а самого животного в профиль особенно характерен для искусства Египта. Он известен также по росписям на мидийских сосудах (Тепе-Сиялка) начала I тыс. до н. э. [Всемирная история, 1956, т. 1, с. 592], а также на кафелях в Сузах (VI в. до н. э.), где сохранилось изображение львиного грифона с рогами барана анфас [Руденко, 1968, с. 80, рис. 69]. Возможно, такая манера передачи рогов была заимствована пазырыкцами из переднеазиатского искусства*. Изображенный на рассматриваемом покрытии седла зверь соответствует образу волка в пазырыкском искусстве - достаточно взглянуть на его вздернутый нос, оскаленную пасть, острое ухо, выделенный завитками загривок и короткий хвост (см. рис. 3, 4). Дополнением к нарядному покрытию седла служат шесть войлочных изображений головок баранов, пришитых по три с каждой стороны. Ажурную головку барана вырезали из тонкого красного войлока и затем пришили к желтой войлочной основе, сшитой из многих кусочков (см. рис. 3, 4; 6). Войлочное изображение головы барана имеет прямые аналоги среди находок из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. CVII, 3; CXII].

Особенности анализируемых войлоков

Укокские войлоки в отличие от обнаруженных ранее в больших курганах (Пазырыкских, Втором Башадарском, Туэктинских) делали с использованием верблюжьей шерсти. По этнографическим материалам известно, что сырьем для изготовления войлоков была в основном шерсть овец. "Шерсть верблюдов, коз, сарлыков, конский волос, - пишет Н.Л. Жуковская о традиционных занятиях монголов, - для этой цели не годятся, т.к. не содержат клейкого слизистого фермента, позволяющего сбить ее в плотную массу" [1989, с. 254]. Алтайцы при производстве войлоков использовали козью и верблюжью шерсть. Верблюжьей шерсти приписывали особые магические свойства. Например, согласно поверьям узбеков Хорезма, шерсть верблюда отгоняла злых духов [Соколова, 1972, с. 180]. Надо полагать, верблюды входили в состав стада южных пазырыкцев. Это подтверждают петроглифы Укока скифского времени, среди которых встречаются изображения двугорбых верблюдов с наездником и без него [Черемисин, Слюсаренко, 1994,

* Такой же прием изображения рогов животных известен на петроглифах бронзового века - на плите, обнаруженной у пос. Озерное (см. [Молодин, Погожева, 1990, с. 167 - 177]).

с. 57, рис. 42 - 44; с. 61, рис. 52]. Кроме того, верблюды запечатлены на деревянной диадеме из кургана 1 могильника Уландрык-1 [Кубарев, 1987, с. 115, рис. 45, 4], на бронзовых зеркалах из кургана 16 могильника Малтагу IV (Юго-Восточный Алтай) [Кубарев, 1992, с. 89, рис. 27, 1], кургана 3 могильника Узунтал III [Савинов, 1978, с. 52, рис. 2], кургана 2 могильника Тыт-кескен VI.

Одна из разновидностей дикого верблюда (*Camelus bactrianus bevus*) была открыта Н.М. Пржевальским. Его родиной, по мнению путешественника, была пустыня Кум-тау, область распространения - низовья р. Тарим, оз. Лобнор, пустыни Хами и Цайдам [1948, с. 49 - 51]. Пазырыкцы могли знать как дикого, так и одомашненного верблюда. Юг Алтая, примыкающий к Монголии, Синьцзяну, Казахстану, был традиционно верблюдоводческим районом. Русские исторические документы засвидетельствовали верблюдоводство у алтайцев в XVIII в. Теленгиты изображали верблюдов даже на шаманских бубнах [Потапов, 1949, с. 130]. Территория Кош-Агачского р-на Республики Алтай и в настоящее время является местом разведения верблюдов. Значение верблюдов в жизни южных пазырыкцев в древности было огромным; ведь только благодаря этим двугорбым животным они осуществляли переходы по безводным пустыням Центральной Азии, в частности, по тому отрезку Шелкового пути, который связывал Джунгарию и Южную Сибирь [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 246]. Имея верблюдов, пазырыкцы могли участвовать в торговых караванных маршрутах как в северо-западные районы Китая, так и в Среднюю Азию.

Судя по находкам из пазырыкских курганов, древние кочевники Алтая изготавливали разный по качеству войлок: от толстого и рыхлого до похожего на современный фетр. Пазырыкцы находили ему самое неожиданное применение: из него делали кольца-подставки под круглодонную посуду, женщины укладывали войлок в прическу и парик, им буквально устилали погребальные камеры. Образно говоря, кочевник рождался на войлоке, жил в его теплом окружении, умирал и уходил на нем же в иной мир.

Значение войлоков в древней и традиционной культурах кочевых народов

Войлок пазырыкцы использовали чрезвычайно экономно и бережно, не допуская потерь: практически все вещи, большие (покрытия стен и пола камер, дна колоды и т.п.) и маленькие (чулки, покрытия седел, подвески к седлам и т.п.), сшиты из нескольких кусков или кусочков. Все обрезки собирали и утилизировали. Например, при шитье сумочки для зеркала, сохранившейся в женском погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха-3, были использованы обрезки

зубчатого фестона от покрытия одного из седел, обнаруженных на этом же памятнике. А украшением этой сумочки стал кусочек войлока - часть аппликации, которая была пришита к верхнему краю чулок этой же женщины.

Традиция изготовления войлоков не менялась веками*. Вот что пишет о их выделке в Ордосе Г.Н. Потанин: "...смоченную горячей водой шерсть раскладывают по готовому войлоку, свертывают последний в трубку, обвязывают трубку веревкой и потом, приподнимая трубку на воздух, бросают ее на землю, повторив это много раз; вновь разворачивают трубку, sprыскивают слежавшуюся шерсть горячей водой и катают ее как бы стирая" [1950, с. 132]. Так же, скорее всего, выглядел процесс производства войлока у пазырыкцев.

В культурах кочевников процесс кошмоваания символизировал новое рождение. У алтайцев старая кошма, на которой раскладывали предназначенную для валяния шерсть, называлась *эне-кис* - мать-войлок, а новый войлок - *бала-кис*, т.е. дитя-войлок [Львова и др., 1998, с. 118 - 119]. Как считали алтайцы, верховные божества, вырезая и сшивая, создавали обитаемый мир [Там же, с. 107 - 108]. Женщины в процессе кроя войлока и тканей повторяли работу демиурга в масштабах собственного домашнего мирка. Большое значение придавалось шерстобитной палочке, которой женщины сбивали тщательно очищенную шерсть. О чудесных свойствах шерстобитного прутика существует бурятский миф, суть которого сводится к тому, что бабушка дает прутик герою сказания и тот забивает им до смерти чудовище, которое нельзя было победить ни мечом, ни стрелами [Уланов, 1975, с. 112]. Для изготовления лучших сакральных вещей отбиралась белая шерсть. Процесс ее сбивания специальными палочками напоминал взбивание молока. Оба эти действия в мифологии тюркских народов связывались с космогоническим актом, в котором использовались мешалки [Сагалаев, 1992, с. 41].

Войлок (преимущественно белый) был одним из важнейших атрибутов существовавшего у кочевников древнего обряда вознесения на войлоке при возведении на престол нового государя. «Провозглашенного ханом султана сажали на белый тонкий войлок, который должен был символизировать чистоту его намерения, происхождения и богатства его рода, и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: "Хан! Хан! Хан!". Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегающей толпой, которая вновь поднимала и опускала

* Подробнее об этом см. статью И.В. Октябрьской, Д.В. Черемисина в этом номере журнала.

войлок на землю. Затем войлок, служивший как бы треном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести лоскуток на память того, что он был участником торжественного провозглашения хана» [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 353].

Пользовались войлоком и в том случае, когда хотели с кем-то расправиться. Марко Поло, рассказывая о казни монгольского князя Наяна, сообщает, что его завернули в войлок, «да так плотно свили, что он умер» [1997, с. 247].

В культуре монголов и других скотоводческих народов магическая символика шерсти связана с плодородием и богатством. Ярким выражением этой связи стали войлочные идола - охранители стад древних монголов. «...У них есть какие-то идола из войлока, сделанные по образу человеческого, - писал Плано Карпини, - и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота... Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного!» [1997, с. 35] Это едва ли не единственное упоминание о бесследно исчезнувшей войлочной скульптуре у скотоводческих народов, которая была, вероятно, чрезвычайно значимым атрибутом их жизни. В Пятом Пазырыкском кургане найдены объемные фигурки лебедей из войлока. Вероятно, изделия такого рода были обычны для пазырыкцев, но они редко попадали в могилы.

Пазырыкские войлоки - это прежде всего аппликации. Традиции их изготовления сохранились у современных казахов и киргизов [Муканов, 1981, с. 35; Джанибеков, 1990, с. 149] и некоторых народов Кавказа - карачаевцев, караногайцев, балкарцев [Студеницкая, 1978, с. 109]. Пазырыкцы знали разные способы украшения войлочных изделий: аппликацию из войлока и кожи, технику мозаики (инкрустации), вышивку, обшивание каждой аппликации по контуру шнуром (как на казахских сырмаках). При этом они никогда не использовали такие приемы, как вваливание рисунка из окрашенной шерсти в подготовленную основу и накладывание узоров на нескатанную шерсть. Эти способы нанесения рисунка, получившие много позже распространение у туркмен и других народов, не позволяли получать четкий контур и создавать сложные композиции и поэтому, вероятно, не вошли в практику пазырыкцев, чья художественная манера основывалась на выразительном и детализированном изображении. Казахов, киргизов, алтайцев, а также карачаевцев, балкарцев, нагайцев называют наследниками пазырыкцев, сохранившими до настоящего времени традицию изготовления аппликаций из войлоков [Там же, с. 111]. Возможно, что «островки» этого производства в Средней Азии

и на Кавказе - часть индоиранского наследия в тюркском мире.

Собственно тюркским может быть назван орнамент, созданный путем наложения шнура. Впервые этот уже отработанный прием украшения войлоков был зафиксирован у сюнну на войлочных коврах из 6 и 25-го Ноинулинских курганов [Руденко, 1962, с. 56]. Ковры украшены с помощью простегивания - приема, который ранее не использовался пазырыкцами. Эти способы орнаментации войлока были позже широко распространены у тюркских и монгольских народов (калмыков, монголов, бурят, тувинцев, казахов, караногайцев).

К настоящему времени войлочные аппликации полностью утратили одно из своих назначений, которое в древности было их сутью, - войлок использовался как поверхность для изображения мировоззренческих и мифологических представлений в сюжетных композициях (с фигурами людей, фантастических и реальных зверей, птиц и рыб). Растительный и зооморфный орнаменты, часто воспроизводившиеся пазырыкцами на таких панно, играли как бы вспомогательную роль.

В XIII в. Г. де Рубрук, путешествуя по казахским степям, был поражен большим количеством войлочных повозок, украшенных «красивой и разнообразной живописью» (надо полагать, так смотрелись войлочные аппликации). «Они сшивают, - отмечал он, - цветной войлок или другой, составляя лозы и деревья, птиц и зверей» (цит. по: [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 207]). Но под влиянием ислама, запрещавшего изображать живые существа, в искусстве тюркских народов (киргизов, казахов, татар, узбеков) сюжетные композиции постепенно были полностью вытеснены орнаментальными. Современные цветные аппликации из войлока покрыты зооморфными изображениями, главным образом стилизованных рогов, растительным или геометрическим орнаментом. Эти декоративные панно, хотя каждый элемент рисунка имеет глубокий смысл, не несут той семантической нагрузки, которой обладали древние войлоки.

Наиболее древние войлоки, которым около 4 тыс. лет, найдены в Синьцзяне, в погребениях могильника Гу-му-гоу в районе оз. Лобнор. Там обнаружены также войлочные шапки конической формы [Wang, 1996, p. 64]. Головные уборы, чулки, куклы из войлока были распространены у европеоидного населения оазисов Восточного Туркестана и позднее [Литвинский, Лубо-Лесниченко, 1995, с. 271 - 275 и др.]. Они сохранились благодаря сухому климату, особенностям почвы этого района, а также специфике погребального обряда. Менее древние (VI - II вв. до н. э.) войлочные изделия пазырыкцев настолько совершенны в художественном отношении, разнообразны по качеству выделки и способам декорирования, что не позволяют

сомневаться в длительной, уходящей в эпоху бронзы истории развития. Кажется вполне вероятным, что валяные кошмы появились в бронзовом веке в среде скотоводов Евразии. Сегодня войлочные изделия - принадлежность главным образом тюркских и монгольских народов. В древности же их производство впервые было освоено, вероятно, скотоводческими племенами индоиранцев. В греческих письменных источниках упоминаются войлочные плащи всадников-кас, закрывавшие голову почти целиком, и тиары мидийцев и персов [Ксенофонт, 1993, VIII, III, 6, 13].

Очень похожие на пазырыкские войлочные изделия (ковры с аппликациями и одежда) найдены в принадлежавших высшей хуннской знати Ноинулинских курганах I в. н. э. [Руденко, 1962, с. 40 - 44, 56 - 57]. Это не удивительно, поскольку прототюрки, как известно, долгое время находились в непосредственной близости к ираноязычным племенам и могли усвоить от них традицию украшать войлочные изделия аппликацией.

Заключение

Войлочные изделия были неотъемлемой частью повседневной жизни скотоводов, обеспечивали ее возможным комфортом. Из войлока изготавливали огромное количество разных вещей: покрытия для переносных жилищ, ковры, которыми покрывали пол и стены, матрасы, подушки, сумки, мешочки, коврики, одежду (шапки, плащи, кафтаны, чулки), потники и покрытия седел. О монголах Г. де Рубрук писал: "Из более грубой шерсти они делают войлок для покрытия своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также с примесью третьей части конского волоса они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя, таким образом они издерживают много шерсти" [1997, с. 98].

Коллекция войлоков из курганов Укока подтвердила высокий профессионализм пазырыкцев в изготовлении шерстяных валяных кошм и в искусстве их украшения. Сохранившаяся малая часть пазырыкских войлоков - свидетельство достигнутого совершенства, некий итог, которому предшествовал период становления и развития этого производства, не связанный с пазырыкской культурой. Вполне возможно, что на таком же высоком уровне находилось изготовление войлоков и в раннескифскую эпоху. Древнее производство войлоков не оставило никаких следов. Оно, как известно, не нуждается в специальных инструментах, а сами войлоки, как и изделия из них, - вещи очень недолговечные. Иногда они чудом сохранялись в древних могилах. И эти находки подтверждают вывод исследователей - изобретение войлоков - дости-

жение древней культуры скотоводов [Хлопин, 1980, с. 35 - 36].

Значение пазырыкских войлоков в том, что они являются "верхней видимой частью айсберга", по которой можно судить о бесследно исчезнувшем пласте культуры скотоводов Евразии. Чудом сохранившиеся пазырыкские войлоки дают нам представление о кочевом мире, каким он был в свои лучшие времена.

Список литературы

- Всемирная история.** - М.: Госполитиздат, 1956. - Т. 1. - 887 с.
- Всемирная история.** - М.: Госполитиздат, 1956. - Т. 2. - 738 с.
- Гильом де Рубрук.** Путешествие в восточные страны. - М.: Мысль, 1997. - С. 88 - 188.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. - Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. - 89 с.
- Джанибеков У.** Эхо... - Алма-Ата: Онер, 1990. - 304 с.
- Жуковская Н.Л.** Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. - М.: Наука, 1989. - С. 233 - 261.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Казахстан. Летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата: Рауан, 1992. - 373 с.
- Книга Марко Поло.** - М.: Мысль, 1977. - С. 192 - 379.
- Ксенофонт.** Киропедия. - М.: Науч.-изд. центр "Ладомир"; Наука, 1993. - 329 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. - Новосибирск: Наука, 1987. - 300 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. - Новосибирск: Наука, 1992. - 141 с.
- Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И.** Погребальные памятники // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1995. - С. 255 - 359.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути. - М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1994. - 322 с.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск: Наука, 1988. - 224 с.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. - 1990. - № 1. - С. 167 - 177.
- Муканов М.С.** Казахская юрта. - Алма-Ата: Кайнар, 1981. - 223 с.
- Плано Карпини.** История монголов. - М.: Мысль, 1977. - С. 30 - 85.
- Полосьмак Н.В.** "Стережущие золото грифы". - Новосибирск: Наука, 1994. - 122 с.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральной Монголии. - М.: Географгиз, 1950. - 649 с.
- Потапов Л.П.** Героический эпос алтайцев // СЭ. - 1949. - № 1. - С. 130.
- Пржевальский Н.М.** Из Зайсана через Хами в Тибет. - М.: Географгиз, 1948. - 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - 349 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 203 с.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. - М.: Искусство, 1968. - 121 с.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. - 1978. - Вып. 154. - С. 48 - 55.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. - Новосибирск: Наука, 1992. - 175 с.

Ситникова Е.Е. О некоторых предметах быта в традиционной обрядности южных алтайцев // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. - Препринт. - Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986. - С. 84 - 94.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. - М.: Наука, 1972. - 213 с.

Студеницкая Е.Н. Узорные войлоки Кавказа (в свете исторических связей народов Кавказа и Азии) // СЭ. - 1978. - № 1. - С. 105 - 111.

Уланов А.И. Об этапах развития бурятского фольклора // Фольклористика Российской Федерации. - Л.: Наука, 1975. - С. 72 - 150.

Хлопин И.Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. - 1980. - Вып. 161. - С. 31 - 36.

Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск: Наука, 1994. - С. 49 - 60.

Wang B.-H. Excavation and preliminary studies of the ancient mummies of Xinjiang in China // Human mummies. - Wein; N.Y., 1996. - P. 59 - 69.

Материал поступил в редколлегия 15.02.99 г.